

RU

Язык и ментальность бурят-билингвов (по результатам ассоциативного эксперимента)

Дырхеева Г. А.

Аннотация. Цель исследования - выявление отражения в языке бурят-билингвов ментальных характеристик. На основе проведенного ассоциативного эксперимента, анализа ядра языкового сознания сделана попытка показать степень сохранности национальных ментальных особенностей бурят в условиях бурятско-русского двуязычия. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые ментальные особенности бурят-билингвов выявляются посредством моделирования языкового сознания с помощью ассоциативных реакций. Полученные результаты показали, что стержнем бурятской этнокультуры является система таких ментальных ценностей, как доброжелательность, гостеприимство, коллективизм, терпимость, стремление к знаниям, сдержанность.

EN

The Bilingual Buryats' Language and Mindset (by the Results of Associative Experiment)

Dyrkheeva G. A.

Abstract. The purpose of the research is to determine how mental characteristics are reflected in the bilingual Buryats' language. Basing on a conducted associative experiment, analysing the core of the language consciousness, the researcher has made an attempt to show the extent to which the Buryats' national mental features are preserved in the setting of the Buryat-Russian bilingualism. Scientific novelty of the article lies in the fact that the bilingual Buryats' mental features are for the first time identified by means of the language consciousness modelling with the help of associative reactions. The research findings have shown that the system of such mental values as benevolence, hospitality, collectivism, tolerance, desire for knowledge, restraint lies at the core of the Buryat ethnic culture.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена повышением интереса к национальным культурам, развитием межэтнических коммуникаций и другими смежными процессами. Анализ современной проблематики этнолингвистики, социоллингвистики, лингвокультурологии и, можно добавить, психоллингвистики показывает пересечение, а иногда и совпадение задач, которыми они занимаются и которые оказались актуальными при изучении взаимосвязи языка и менталитета.

Несомненно, что основными компонентами ментальности являются традиционные ценности народа, которыми занимаются специалисты разных отраслей знания. Изучению традиционных ценностей бурят в последние годы с разных позиций уделялось достаточно внимания. Это исследования этнопсихологов И. Э. Елаевой [7], Р. Д. Санжаевой [12], философа И. И. Осинского [11], этнографа В. В. Лыгденовой [10], литературоведа С. Б. Дуриновой [2] и др. Среди филологических работ, уделивших внимание отражению в языке некоторых ментальных особенностей бурят, можно выделить исследования В. М. Егодуровой [6], Ж. Б. Жалсановой [8], Д. Б. Сундуевой [14], Б.-Х. Б. Цыбиковой [19], Е. С. Шойсороновой [20] и др. Таким образом, теоретической базой послужили данные работы, а также исследования Л. Г. Скородумовой [13], Н. В. Дмитрюк, Д. А. Молдалиевой [1], У. М. Трофимовой [15], Н. В. Уфимцевой [16-18] и др.

Основными задачами исследования были: 1) провести ассоциативный эксперимент и определить ядро языкового сознания; 2) установить основные ценностные компоненты в языковом сознании бурят-билингвов, соответственно, выявить этнокультурные и ментальные особенности носителей бурятского языка на родном и русском языках; 3) описать особенности влияния русского языка на языковое сознание бурят.

Основным методом для выявления специфики отражения ментальных особенностей в языке бурят служит ассоциативный эксперимент. Анализ трансформации ментальных характеристик в условиях бурятско-русского билингвизма проводится с помощью описательного и сравнительного методов.

Практическая значимость исследования состоит в разработке обобщений этносоциолингвокультурологического и психолингвистического характера, важных для анализа духовной культуры монгольских, и в том числе бурятского, народов, а также степени продуктивности использования лингвокогнитивного подхода к изучению ментальных особенностей билингвов. Предполагается также разработка научно-практических рекомендаций для органов государственной и муниципальной власти по вопросам сохранения и развития бурятского языка в условиях полиэтничного общества. Материалы исследования могут быть также использованы в практике преподавания таких дисциплин, как лингвокультурология, лингвострановедение, этнолингвистика, при чтении других спецкурсов и спецсеминаров.

Ассоциативно-вербальный эксперимент – метод исследования языкового сознания и менталитета

Общепринятым считается, что культурные и ментальные особенности, стереотипы того или иного этноса отражаются в ассоциативных словарях, основная задача которых связана с исследованием когнитивных и этноментальных процессов в языковом сознании (ЯС) этноса, специфики его менталитета и с ассимилятивными процессами трансформации культурных традиций. «Психолингвистические исследования последних десятилетий доказали, что моделировать языковое сознание и вербальную память человека, выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира способны ассоциативные реакции, получаемые в ходе разного рода лингвистических ассоциативных экспериментов (свободных и направленных, прямых и обратных, комплексных и фрагментарных и т.п.). Своеобразный срез языкового сознания, отраженный в материалах массовых ассоциативных экспериментов, предоставляет возможность выявления на его основе ядра и периферии ЯС этноса, что делает репрезентативными и доказательными выводы и рассуждения о специфичности национальной менталитета, этнокультурных стереотипах и ценностных предпочтениях того или иного из сопоставляемых этносов» [1, с. 149].

Работа выполнена в русле исследований, проводимых Московской психолингвистической школой, и является частью эксперимента, цель которого было выявить национально-культурную специфику функционирования бурятского языка, увязываемых с ним культурных ценностей через анализ языковой/лингвокультурной компетенции, специфику языкового сознания, а также менталитета современных бурят, носителей бурятского и русского языков.

Материалом для данного анализа послужил свободный ассоциативный эксперимент, вошедший как часть в лингвистический тест на основе 84 слов-стимулов, включающих слова как различных тематических групп (персоналии, цвета, реалии и др.), так и частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), представленных на двух языках – бурятском и русском. Эксперимент проводился в г. Улан-Удэ, г. Закаменск, селах Кижинга, Сосново-Озерское, Курумкан, Баянгол в 2008-2009 гг. В нем участвовали более 200 испытуемых (120 – буряты, заполнившие анкеты на бурятском языке, 110 – буряты, заполнившие анкеты на русском языке), бурятско-русские билингвы в возрасте от 18 до 65 лет. В результате обработки более 200 тестов на бурятском языке выявлено 3227 разнообразных реакций, на русском – 3617. Выбор заполнения анкет на русском или бурятском языке определялся самими испытуемыми, он зависел от языковой компетенции респондентов.

Традиционным при проведении ассоциативного эксперимента является выделение ядра языкового сознания [3]. Основные результаты проведенного ассоциативно-вербального эксперимента по описанию ядра языкового сознания представлены в Таблице 1. «Ядро языкового сознания бурят-билингвов», где Б1 – реакции бурят на бурятском языке, Б2 – реакции бурят на русском языке, Р – реакции русских (по данным Н. В. Уфимцевой [17]). Первая цифра в скобках – количество реакций-гнезд, в которых встретилось слово, вторая – общая частота встречаемости слова (приведена сумма всех форм слова).

Таблица 1. Ядро языкового сознания бурят-билингвов

	Б 1	Б 2	Р
Персоналии	Хун 'человек' (69/200)	Человек (24/113)	Человек
	Нүхэр 'товарищ, друг' (18/92)	Я (мой) (16/29)	Друг
	Эжы 'мама' (17/79)	Друг (15/97)	Дурак
	Үхибүүн 'ребенок, дитя' (14/43)	Мама (11/21)	Мужчина
	Эхэ 'мать' (13/30)	Люди (11/19)	Ребенок
	Зон 'народ' (11/19)	Народ (9/15)	Парень
	Басаган 'дочь, девочка' (10/47)	Бог (8/46)	Я
	Аба 'отец' (10/38)	Близкие (8/13)	Женщина
	Хүбүүн 'сын, мальчик' (10/24)	Отец (7/16)	Мальчик
	Багша 'учитель' (9/36)	Мужчина (7/11)	Девушка
	Айлшан 'гость' (9/19)	Дети (6/10)	Мужик
	Арад 'народ' (8/18)	Друзья (6/11)	Муж
	Үбгэн 'старик' (8/17)	Учитель (5/7)	Он

Реалии	<p><i>Гэр</i> 'дом' (40/169) <i>Наһан</i> 'возраст, годы' (24/54) <i>Наран</i> 'солнце' (22/139) <i>Һанаан</i> 'мысль, намерение' (19/37) <i>Бэе</i> 'тело, организм' (18/21) <i>Байдал</i> 'состояние' (17/30) <i>Юумэн</i> 'вещь' (17/26) <i>Эдээн</i> 'пища, еда' (16/66) <i>Ном</i> 'книга' (16/38) <i>Нютаг</i> 'родина' (14/49) <i>Ажсал</i> 'работа' (14/49) <i>Ухаан</i> 'ум, разум' (13/27) <i>Хэрэг</i> 'дело, нужда' (12/25) <i>Сэдьхэл</i> 'мысль' (12/25)</p>	<p>Жизнь (33/65) Дом (20/62) Работа (13/57) Любовь (13/28) Все (11/12) День (11/27) Время (11/16) Мир (11/13) Радость (10/28) Сила (10/17) Чистота (10/12) Правда (8/69) Солнце (8/36) Деньги (7/31)</p>	<p>Дом Жизнь Деньги Лес День Любовь Работа Вода Радость Дело Смерть Стол Дорога Мир</p>
Оценки-качества	<p><i>Һайн</i> 'хороший, добрый' (42/85) <i>Хүнэй</i> 'человеческий' (23/77) <i>Сагаан</i> 'белый' (23/81) <i>Сэбэр</i> 'чистый' (18/46) <i>Түргэн</i> 'быстрый' (16/29) <i>Гоё</i> 'нарядный, красивый' (14/33) <i>Һайхан</i> 'красивый' (12/67) <i>Дулаан</i> 'теплый' (12/42) <i>Буряад</i> 'бурятский, бурят' (12/19) <i>Хара</i> 'черный, темный' (11/20) <i>Шанга</i> 'сильный' (11/13) <i>Муу</i> 'плохой' (10/35) <i>Ондоо</i> 'другой' (10/28) <i>Холо</i> 'далеко, далекий' (10/22) <i>Шэнэ</i> 'новый' (9/15) <i>Залуу</i> 'молодой' (9/13)</p>	<p>Хороший (20/56) Родной (15/60) Добрый (14/34) Любимый (14/33) Чистый (13/35) Белый (11/61) Большой (11/26) Мой (11/23) Новый (11/18) Святой (10/20) Светлый (10/17) Старый (9/18) Дорогой (9/13) Красивый (8/22) Вечный (8/14) Священный (8/9)</p>	<p>Большой Хороший Плохой Мой Красный Старый Белый Умный Сильный Зеленый Черный Маленький</p>
Действия	<p><i>Ябаха</i> 'идти' (10/28) <i>Олохо</i> 'находить' (6/55) <i>Абаха</i> 'брать' (7/11)</p>	<p>Быть (9/11) Иметь (7/12) Жить (6/25)</p>	<p>Говорить Жить Думать</p>

Особенности отражения менталитета в ядре языкового сознания бурят

Как известно, ядро языкового сознания – это не только самые частотные слова-реакции, но и самые важные национально-значимые ценностные лексемы и, как показал проведенный ассоциативный анализ, достаточно сложная и своеобразная система. Наиболее устойчивыми традиционными ценностными компонентами в языковой картине мира бурят оказались: человек, семья, здоровье, дружба, интеллект, смысл жизни, труд, Родина [5].

Известно, что для бурят очень важно сознание ответственности за семейный клан, четко проявляется желание «родниться», поддерживать дружественные теплые отношения в семье, среди родственников, близких людей, уважать старших, беречь младших. Этнические нормы общежития бурят передавались из поколения в поколение, они позволяли выжить в суровых природно-климатических условиях, уберечь род от различных бед, сохранить потомство. Специфической же особенностью бурятского языкового сознания в отличие, например, от русского является сохранение, поддержка, включение этой системы в настоящее время, причем не только на родном языке, но и на русском.

В группу «персоналии» ядра языкового сознания на бурятском языке вошли практически все самые близкие люди: *эжы* 'мама' (17), *аба* 'отец' (10), *эхэ* 'мать' (13), *ухибүүн* 'ребенок, дитя' (14), *басаган* 'дочь, девочка, девушка' (10), *хүбүүн* 'сын, мальчик' (10), *үбгэн* 'старик, старый' (8). Причем показателем важности для бурят родовых отношений является сохранение в русскоязычной (реакций бурят на русском языке) группе слов *мама* (10), *близкие* (8) и *отец* (7), которые отсутствуют как самые важные в русском языковом сознании. Число соответствий между зонами Б1 (реакции бурят-билингвов на бурятском языке) и Б2 (реакции бурят-билингвов на русском языке) составляет 69%, а между Б2 и Р (Р – реакции русских (по данным Н. В. Уфимцевой [17])) – 38%.

Существенным моментом в жизни каждого человека является его рождение и связь с той, кто его родил, с мамой. Для бурятского языкового сознания это – одно из самых ценных, оно дважды вошло в ЯС в бурятском и заняло 4-е место в русскоязычном варианте ассоциативного эксперимента. Причем вариант *эжы* 'мама, мать, матушка' (17/79), стилистически обозначающий более теплые отношения, находится по рангу выше, чем *эхэ* 'мать, матка, материнский' (13/30). И в прямом ассоциативном словаре самой частой реакцией на *эхэ* 'мать' является синоним *эжы* 'мама' (34). К сожалению, в зоне Р Таблицы 1 это слово не встретилось.

Несомненно, что в бурятском языковом сознании с мамой связаны самые положительные ассоциации: *үнэтэй* 'дорогая' (2), *сэнтэй* 'дорогая, ценная' (2), *дулаан* 'теплая', *хайхан* 'красивая', *бэрхэ* 'умелая, опытная', *түрэхэн* 'родная, родимая' (2). Мама – это *дуран* 'любовь' (7), *жаргал* 'счастье' (2), *энхэрэл* 'нежность' (2), *сэдхэл* 'душа', *дурасхал* 'воспоминание', *наһан* 'жизнь', *дэлхэй* 'мир, земля', *эгээн дүтэ хүн* 'самый близкий человек'. Устойчивыми являются словосочетания *эхэ орон* 'Родина' (9), *эхэ нютаг* 'родина' (8), *түрэхэн эхэ нютаг* 'родина', *эхэ эсэгэ* 'родители' (4). Мифологической является ассоциация с *хун шубуун* 'лебедь – мать-лебедица'. Традиционно образ матери связан, прежде всего, с *гэр* 'домом', *айл* 'семьей': *үхибүүн* 'ребенок' (2), *аба* 'отец, папа' (3), *баабай* 'отец, папа', *эсэгэ* 'отец' (4), *түрэл* 'родня' (2). Мама может быть *теэбиш* 'тунк. диал. бабушка', *эмгэн* 'бабушка, старушка' (2), то есть это *эхэнэр* 'женщина' (4), которая *хүндэ ами үгэһэн* 'дает человеку жизнь'.

Близки по содержанию и ассоциации бурят на слово *мать* на русском языке, самые частые реакции: *родная* (8), *женщина* (5), *любовь* (5), *мама* (5). Заметно отличаются от бурятотязычных реакции: *Богоматерь*, *святая* (3), *святость* (2), *святое*, *святых*. Эти ассоциации, очевидно, ближе к языковому сознанию русских. В ядре русского языкового сознания *мама* прежде всего: *моя* (26), *любимая* (14), *добрая* (10). То есть в языковом сознании бурят и русских со словами *эхэ* 'мать' возникают в основном одинаковые ассоциации, наличие которых обусловлено назначением и пониманием роли женщины быть матерью.

Для монголоязычных народов характерны такие психологические черты, как эмоциональная сдержанность (саморегуляция), рассудительность. При этом они открыты, искренне расположены к общению, гостеприимны, поэтому очевидно вхождение в высокочастотную ценностную группу слова *айлишан* 'гость'. В ассоциативное поле *айлишан* вошли практически все слова, которые отражают процедуру встречи и приема гостей у бурят. В первую очередь *айлишан* ассоциируется с *бэлэг* 'подарок, гостинец' (9). В основном *айлишан* – это *хүн* 'человек' (8), *хүн зон* 'люди' (4), *нүхэр* 'друг' (3) или *нүхэд* 'друзья' (2), *хүндэтэй хүн* 'почтенный человек' (2), иногда просто *танил* 'знакомый' (3) или *түрэл* 'родственник', часто *холын* 'далекий' (3), *холын хүн* 'человек издалека', *аяншан* 'путешественник' и др. Всегда с ним связаны: *хүлээжэ* 'ожидать', *угталга* 'встреча', *хүндэлхэ* 'уважать' (2), идет *бэлдэлгэ* 'подготовка'. Когда *айлишан* *ерээ/ерэбэ* 'приезжать' (4), *бууха* 'слезать (с коня)', его коня привязывают к *сэргэ* 'коновязь', вручают *хадаг* 'хадак', сажают на *хоймор* 'северная почетная сторона', угощают *сай* 'чай', *архи* 'водка', *бууза* 'бузы', ведут *зугаа* 'беседа' и предлагают *хонобо* 'ночевать'. *Айлишан* – это *хүндэ* 'честь, почет', *хайн үдэр* 'праздник' (2).

Русскоязычный вариант *гостя*, как и во многих других случаях, можно предположить, совпадает с таковым в Русском ассоциативном словаре [9]. В основном он характеризуется положительно, это *друг* (11) или *друзья* (4), *родня/родственник/родственники* (3/2/3), *знакомый* (2), *сосед*, *люди уважаемые*, *близкие*, он *желанный* (4), *добрый* (2), *долгожданный*, *дорогой*, *званный*, *приглашенный*, *почетный* и т.д. Обычно это *радость* (4), *гостинец*, *подарок* (2), *готовить блюдо*, *суета*, *стол*, *накрывать на стол* (3), *гулять*. В отличие от бурятотязычной части здесь имеются реакции с негативной окраской: *чужой человек*, *едок*, *незванный*, *неприглашенный*, *непрошенный*, *посторонний*.

В отличие от реакций-персоналий, реакции-реалии показывают значительную разницу между языковым сознанием бурят на родном и русском языках, доля совпадений между Б1 и Б2 составляет всего 21%, а между Б2 и Р – 57%. Общими и, очевидно, самыми важными для всех трех выделенных групп являются *дом* и *жизнь*, занимающие первые позиции в языковом сознании многих народов. Причем в ядро Б1 вошли два понятия *жизнь*: *наһан* и *байдал*, являющиеся многозначными, что подтверждает существенную разницу между семантическими полями сравниваемых языков. *Наһан* имеет множество разных значений (возраст, годы, жизнь, век (человека), перерождение), используется во множестве фразеологизмов, имеет синонимы (*амидарал* 'жизнь' (3), *ажабайдал* 'жизнь' (4), *амин гол* 'жизнь', *байдал* 'состояние, обстановка, ситуация, условия жизни, жизнь, быт'), которые вошли в данное ассоциативное поле.

Самая частая реакция – *ута* (8), – скорее всего, объясняется традиционным пожеланием бурят: *ута наһатай* 'долгой жизни'. В целом в ассоциативное поле *наһан* вошли все слова, связанные с *хүнэй* 'человеческой' (7) жизнью, начиная от *уг* 'корень, начало, основа', *уг гарбал* 'происхождение', *эжы* 'мама, мамочка', через *наһаа хүсэхэ* 'становиться совершеннолетним', *залуу наһан* 'молодость', *дуран* 'любовь', *гэр бүлэ* 'семья' к *үндэр наһан* 'преклонному возрасту', *хүгшэн* 'старый, старик, старушка' и *үхэл* 'смерти'. Очевидно, что она определяется *хуби заяан* 'судьбой'. В основном она *хайн* 'хорошая', *ажа амидарал* 'мирная', *амархан* 'спокойная', *амгалан* 'мирная, спокойная', *мүнхэ* 'вечная', *хэмжээтэй* 'размеренная', но в то же время она *богони* 'короткая', *түргэн* 'быстро' проходит и иногда бывает *нохойн* 'собачья'. Ее необходимо *гамнаха* 'беречь', но она все равно *дүүрэхэ* 'заканчивается'. Жизнь, как и во многих других культурах, ассоциируется с *харгы* 'дорогой'. Жизнь – это *жэлнүүд* 'годы', *сагууд* 'часы', это *агаар* 'воздух, атмосфера', это – *жаргал* 'счастье'.

Русскоязычный вариант ассоциативного поля *жизнь* по содержанию близок к варианту на бурятском языке: в него также вошли слова, которые отражают периоды жизни человека от *рождения*, *мамы*, *семьи*, *рождения* и *старости* до *смерти*, *долгого пути* в *небытие*; в основном она оценивается положительно (*бесценная*, *вечная*, *длинная*, *долгая* (4), *дорогая*, *любимая*, *новая*, *полноценная*, *прекрасна* (3), *прекрасная*, *радость*, *счастливая*, *счастье*, *хорошая*), хотя имеются и негативные оценки (*бесполезная*, *короткая*, *короткая*, *короткий миг*, *страдание*). Однако количество ассоциатов здесь больше, чем в бурятотязычном варианте, *жизнь* – это *путь* (3), *биография*, *борьба*, *бытие*, *время*, *век*, *возраст*, *года*, *дар*, *движение*, *земля*, *на земле*, *наши будни*, *мудрость*, *земля*, *мир*, *мир вокруг нас*, *смысл*, *солнце*, *судьба*, *твой путь*, *цветок*, *хлеб*. Жизнь *одна* (2), и она *проходит*. Чтобы *жить* (3), необходимо *дышать* (4) и *думать*.

Значимость *жизни* для бурят подтверждается отсутствием понятия *смерть* в ядре Б1 и Б2, которое входит в ядро языкового сознания русских. Эти данные, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что, несмотря

на изменения в этническом сознании бурят, в нем сохраняются определенные этнические константы. Жизнь является наиболее важной ценностью их традиционного мировоззрения.

В зону Б1 вошли слова, отражающие основные человеческие потребности и ценности, для *байдал* 'состояния, жизни' *бэе* 'тела' человека необходимо, чтобы светило *наран* 'солнце', была *эдеэн* 'пища, еда', какие-то *юумэн* 'вещи, что-то', был *гэр* 'дом', *нютаг* 'родина', *хэрэг* 'дело, нужда' или *ажал* 'работа', которая, кстати, нужна и русским, и бурятам.

Существенной разницей между зонами Б1, Б2 и Р, по нашему мнению, является вхождение в зону Б1 таких единиц ментальной субстанции, как *hanaan* 'мысль, намерение', *ухаан* 'ум, разум', *сэдьхэл* 'мысль, думы, помыслы'. Это слова, через которые проявляется такое отношение бурят к окружающей действительности, как стремление к знанию, обучению, что также подтверждается вхождением в ядро языкового сознания бурят в данном поле слова *ном* 'книга', а в поле «персоналии» – *багша* 'учитель'. Вхождение слова *наран* 'солнце' в ядро ЯС, скорее всего, объясняется значимостью окружающей среды, природы для бурята-кочевника, солнце считается основным источником, хозяином тепла и света, по солнцу они ориентировались для организации ежедневного распорядка дня, быта и уклада жизни.

Значимость солнца для бурят как источника тепла очевидна, судя по количеству ассоциативных связей: *дулаан* 'теплый, тепло, теплота' (15), *халуун* 'жара, жаркий, жарко' (5), *шарана* 'жарит, греет' (4), *дулаасуулдаг* 'согревающее', *дулаа үгэдэг* 'дающее тепло'. Солнце – это и важнейший источник света, причем важен каждый его лучик, в ассоциативное поле *наран* вошли три парных слова 'луч': *туяа* (13), *гэрэл* (12) и *элиэ* (2), а также *алтан туяа* 'золотой луч'. Как астрономический объект, оно, в первую очередь, связано с *hara* 'луной' (9), оно – часть *юртэмсэ* 'Вселенной, мира', *дэлхэй* 'мира, земли', *Газарай тойроод* 'окружает Землю'. Солнце может быть *шара* 'желтое' (8), *улаан* 'красное' (2), *улаан шара* 'красно-желтое', *гэрэлтэ* 'лучезарное', *алтан* 'золотое', *харуул* 'ясное', *ягаан* 'розовое', *ялагар* 'сверкающее', *алтан шара* 'золотое, желтое' (2). Интересна ассоциативно-сравнительная связь солнца с *эхэ* 'матерью'.

А в русскоязычной части *солнце* связывают с *отцом*. Самым же частотным гештальтом здесь можно считать образ солнца как источника света: *свет* (15), *светило* (7), *яркое* (7), *светит*, *светлое*, *светло*, *яркость*, *ясное*. Как астрономический объект, оно представлено реакциями: *звезда*, *планета* (2), *самая большая планета*, *спутник*, *спутник Земли* (5); ассоциациями: *луна*, *небо*, *пустыня*, *Земля*. *Солнце белое*, *большое*, *горячее*, *жаркое*, *желтое* (3), *красное* (2), *круглое*, *лучистое* (2), *высоко*, *оранжевое*, *палящее*, *теплое*. Несомненно, что солнце – это *жизнь* (3), *утро* (4), *день* (3), *золото* (2), *божество*, *лето*, *радость*, *благодать*, *витамин*, *восход*, *загар*.

Подтверждение выделения такого ценностного компонента, как «любовь к Родине», можно видеть на примере вхождения в ядро языкового сознания бурят слов *арад* 'народ' и *зон* 'народ, люди' в зоне «персоналии», *люди* в разделе Б2 и слова *нютаг* 'родина, родное место, родной улус' в зоне «реалии» (зона Б1). В частности, анализ показал, что большинством ассоциаций на бурятском языке для всех слов является определение понятия *яһатан* 'нация, народность, принадлежность к «кости», роду, племени'. На русском языке для этнонима *бурят* оно совпадает – национальность, нация. Как отмечает Л. Г. Скородумова, «для монгола важно не собственное Я, а окружающее общество, социум, важно сохранить и поддерживать отношения с другими людьми... Это характерно и для ориентального типа сознания, центростремительного по своей сущности. В мире все уравновешено, и человек не выделяет себя из вселенной, из социума» [13, с. 4]. Отсутствие слова *Я* в ядре языкового сознания бурят можно объяснить тем, что для их традиционного мировоззрения важнейшей ценностью является не индивидуальная жизнь (она считается вечной согласно буддийскому мировоззрению), а целостность и жизнеспособность семьи, рода, этноса.

Выделение такой ментальной характеристики, как трудолюбие, подтверждается вхождением в ядро ЯС двух слов *ажал* 'работа' и *хэрэг* 'дело, нужда' в зоне Б1, в зоне Б2 *работа* занимает почетное третье место. В РАС также и *работа*, и *дело* оказались очень важными и, соответственно, ценностными. Очевидно, что *ажал*, *хүдэлмэри* 'работа' ассоциируется с образом жизни, жизнью: *ажаябуулга* 'жить, деятельность' (4), *ажамидарал* 'жизнь', *байдал* 'состояние, условия жизни', *ажа байдал* 'условия труда', *ябуулга* 'деятельность', *жизнь* (3), *быт*, *повседневная*. Она может быть *хайн* 'хорошая', *эхэ* 'большая' (2), *үдэр бури* 'ежедневная' (2), *олоной* 'много', *онсо* 'особенная' (2), *хүндэ хүшэр* 'тяжелая', *адская*, *интересная*, *любимая*, *настоящая*, *нормальная*, *трудная* (2), *хорошая* и т.д. Разница между ассоциациями на бурятском и русском языках заключается в том, что, во-первых, на бурятском больше представлены виды занятий, деятельности или средства труда: *хургуули* 'школа' (7), *үбһэ сабишаха* 'косить траву' (2), *багша* 'учитель' (3), *уһа асарха* 'принести воды' (2), *хонишон* 'чабан' (2), *бодол* 'мысль', *хэиээл* 'занятие, урок', *зэбсэг* 'орудие', *хэрэгсэл* 'средства, материалы', *инструмент*, которые практически отсутствуют в русскоязычной части; во-вторых, можно отметить, что основная масса русскоязычных реакций – это синонимы *труд* (15), *деятельность* (6), *занятие* (4). Общими для опрошенных являются реакции, отражающие результаты трудовой деятельности, для чего они работают: *мүнгэн* 'деньги' (6), *амаралта* 'отдых, отпуск', *амжалта* 'успех, достижение' (2), *олзо* 'прибыль', *салин* 'зарплата', *хоол* 'еда', *хубсалха* 'одеваться' (2), *эдижэ* 'кушать'; *деньги* (11), *бабки*, *заработок* (2), *зарплата* (2), *возможность заработка*, *удовлетворение*, *удовольствие*.

Такая специфическая ментальная особенность бурят, как сдержанность, ярко проявилась при анализе ассоциативного поля *хүүгэдэй* 'детский' и определении характеристик *человека* в бурятском языковом сознании [3]. Это подтверждается малочисленностью качественных определений, доля прилагательных в бурятоязычной части реакций, например, на стимул *хүн* 'человек' составляет всего 15%, а в русскоязычной – около 19%, в отличие от представлений *человека* в русской языковой картине мира, где доля прилагательных составляет 36,8%.

Как уже отмечалось выше, буддийское конфессиональное мировоззрение бурят оказало существенное влияние на их ценностные ориентиры. Слова религиозной тематики *бурхан* 'бог', *Будда*, *сэржэм* 'сэржэм', *дасан* 'дацан, буддийский храм', *нирваан* 'нирвана' не вошли в ядро языкового сознания на родном языке, но слово *Бог* заняло достаточно высокий шестой ранг в русскоязычной части обратного ассоциативного словаря. Возможно, что ценностную значимость буддизма для бурят, как и в случае с концептом ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ, можно выявить с помощью других языковых средств, например, речевых стереотипов либо с помощью анализа фольклорных текстов. Данный факт связан с длительным запретом на религию, поэтому упомянутые понятия активно не функционировали. Это, в частности, подтверждается тем, что в ассоциативные поля данных стимулов преимущественно вошли слова-комментарии, объяснения, названия атрибутики буддизма, священные имена. Например, на стимул *бурхан* 'Бог' самыми частыми реакциями оказались: *Будда* 'Будда' (15), *багша* 'учитель' (11), *шажан* 'религия' (11), *мүргэжэ* 'поклоняться' (7), *мүргэл* 'поклонение' (6), *дасан* 'дацан, ламаистский храм' (6), *маани* 'мани, род буддистских молитв' (3), *субарга* 'субурган, ступа' (3), *буян* 'добродетель, благодеяние' (2), *Дари-эхэ* 'мать Дари' (2), *зула* 'свеча' (2), *лама* 'лама, буддийский монах' (2), *Далай-лама* 'Далай-лама' и др. Примерно те же реакции встретились на имя *Будда*. Причем реакция '*бурхан*' оказалась самой частой во всем словаре – 57. В русскоязычной части реакцию *Будда* – *Бог* также можно отнести к самым высокочастотным (38). И именно за счет подобных реакций оно вошло в ядро языкового сознания бурят на русском языке – в зону B2.

О некоторых особенностях трансформации языкового сознания бурят-билингвов: влияние русского языка

Несомненный интерес представляет сравнение языкового сознания бурят в условиях бурятско-русского двуязычия в виде ассоциативных реакций бурят на русском и бурятском языках. Как известно, иноязычное влияние способствует изменению лексического состава и коммуникативных норм того или иного языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему. Однако пока, как свидетельствуют наши данные, сохраняется национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, в частности, оно миролюбивое, не агрессивное, что подтверждается отсутствием негативных реакций на бурятском языке, а также тем, что наиболее частыми оценочными словами-реакциями на бурятском языке являются слова с положительной коннотацией: *хайн* 'хороший, добрый' (42), *сэбэр* 'чистый' (18), *хүнэй* 'человеческий' (20), *сагаан* 'белый' (23). Можно предположить отсутствие в бурятском языковом сознании (далее – в менталитете) так называемого «судейского комплекса» [16], для бурят не характерно судить, комментировать, осуждать кого-то или что-то, а если и давать оценку, то в основном положительную.

Вероятно, религиозной принадлежностью бурят к традиционной буддийской культуре объясняются расхождения в оценке таких ценностей, как *ум*, *деньги*, *книга*, *учитель*..., а также практически отсутствие среди самых частотных отрицательных оценочных реакций как среди реакций-реалий, так и среди реакций-персоналий и качеств-оценок.

Очевидно, что отличное знание русского языка открыло и открывает перед бурятами дополнительные возможности для познания окружающего мира, и это отражается на изменении их отношения к окружающей среде, для них характерным становится прагматичность и реалистичность, более критическое отношение к действительности, наблюдается активизация персонификации языкового сознания, что, в частности, проявляется в появлении местоимений *я*, *мой* (*моя*, *мое*) в ядре языкового сознания русскоязычных бурят. При этом так называемый способ мышления на бурятском языке пока не меняется.

К сожалению, ассоциативный эксперимент не позволил явно показать очевидную значимость природы для бурят – представителей кочевой культуры. Судя по ассоциативным зонам *пространства* и *времени* [4], в современном сознании бурят отсутствуют архетипические характеристики пространственно-временного континуума, отсутствуют реакции, отражающие абстрактно-обобщенное, а также архаичное представление о пространстве и времени. То есть можно утверждать об уходе архаичного языкового сознания у современных бурят, а также о том, что данный эксперимент преимущественно фиксирует современное представление человека о мире.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, оно подтвердило эффективность анализа этнокультурных и ментальных особенностей посредством моделирования языкового сознания, в частности с помощью ассоциативных реакций. Во-вторых, в результате была установлена стабильность системы языкового сознания бурят на родном бурятском языке. Для них характерны такие особенности менталитета, как доброжелательность, гостеприимство, коллективизм, обдуманность действий, трудолюбие, стремление к образованию, терпимость, стремление к взаимопомощи, сдержанность, высокая оценка родственных отношений. Эти качества находят свое преломленное отражение в словесных ассоциациях. Центральными для их языкового сознания являются такие понятия, как *хүн* 'человек', *гэр* 'дом', *наһан* 'жизнь', *хайн* 'хорошо', *нүхэр* 'друг'. Можно добавить, что эти единицы являются универсальными, занимающими центральные высшие позиции в языковом сознании многих народов [16, с. 160].

Однако структура и содержание ассоциативных полей этих слов на бурятском и русском языках оказались различными. Разница в реакциях бурят-билингвов на том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закрепленными за соответствующими словами, которые в том числе определяются системно-структурными особенностями языка. Или, как отмечает У. М. Трофимова [15, с. 7], существует определенная зависимость организации семантического пространства от формальных параметров языка.

Вероятно, что буддийская религия, сдержанность, выносливость способствовали такой черте бурят, как покорность судьбе, фатализм, который принимает форму должного «правильного» действия, строго соответствующего обстоятельствам. Эти ментальные качества можно объяснить историческими, природными (климатическими, ландшафтными) причинами, особенностями традиционного образа жизни, культурного опыта, социальными нормами.

Активное владение бурятами русским языком, а также окружающая действительность повлияли в основном на то, что именно в ассоциативном поле «реалии» произошло значительное число совпадений между ассоциациями бурят на русском языке и носителями русского языка, судя по «Русскому ассоциативному словарю». В целом же анализ особенностей языкового сознания бурят на родном и русском языках, выявленных по материалам ассоциативно-вербального эксперимента, показал специфичность изменения системности образа мира современных бурят, его культуры, а также существенные различия в знаниях, которые стоят за псевдоэквивалентными словами.

Перспективы дальнейшего исследования. Данная попытка выявить особенности менталитета бурят с помощью ассоциативно-вербального эксперимента не помогла полностью показать национальные особенности характера бурятского народа, поскольку менталитет – широкое понятие, и данная работа – лишь одна из попыток выявить специфику национального бурятского менталитета. Изучение менталитета, идиотизических образов языка и культуры требует разнообразных подходов, источников, учета многих факторов. Кстати, некоторые ментальные особенности можно в дальнейшем выявить с помощью сравнительного анализа ассоциаций на слова *честь, родина, справедливость, помогать, свобода, понятие, душа* и др., которые вошли в список слов-стимулов в данном эксперименте.

Исследование духовных основ бурят, проживающих во многих регионах не только России, но и мира, расселившихся на стыке буддизма, православия и шаманизма, представляет огромный интерес, так как, как и у многих народов, в них заложен фундамент общечеловеческих устоев, философско-религиозных учений о мире, обществе, человеке, они представляют огромную картину ценностных абсолютов, качеств, передававшихся из поколения в поколение.

Финансирование | Funding

Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

The research is carried out as a part of the state assignment of the FASO of Russia (project XII.193.1.5 “Mindset of the Mongolian Peoples in the Mirror of the Language”, № АААА-А17-117021310266-8).

Источники | References

1. Дмитриук Н. В., Молдалиева Д. А. Пословицы в материалах свободного ассоциативного эксперимента: внутриэтнические исследования // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2 (18). С. 148-157.
2. Дуринова С. Б. Проявление национальной ментальности в творчестве русскоязычных бурятских поэтов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 1999. 17 с.
3. Дырхеева Г. А. О ядре языкового сознания бурят-билингвов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4 (30). С. 54-62.
4. Дырхеева Г. А. Пространство и время в языковом сознании бурят-билингвов // Универсальное и специфическое в вербальных традициях народов современной России: тезисы Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 14-17 октября 2020 г.). Новосибирск: Академиздат, 2020. С. 11-14.
5. Дырхеева Г. А. Ценностный компонент в языковом сознании бурят: особенности трансформации при билингвизме // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4 (22). С. 21-30.
6. Егодурова В. М. О формировании билингвальной языковой личности // Языковая личность в современном социуме (региональный аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 36-50.
7. Елаева И. Э. Традиционные ценности и этническое самосознание бурят // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 1994. С. 184-216.
8. Жалсанова Ж. Б. Этническая составляющая гендерного стереотипа в языковом сознании русских и бурят: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009. 24 с.

9. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь: в 6-ти кн. М.: ИРЯ РАН, 1996. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. II. 212 с.
10. Лыгденова В. В. Трансформация традиционных ценностей баргузинских бурят в конце XX - начале XXI века [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 3. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_23/7338-lygdenova.html (дата обращения: 05.04.2020).
11. Осинский И. И. Традиционные ценности в духовной культуре бурятской национальной интеллигенции // Социс. 2001. № 3. С. 80-83.
12. Санжаева Р. Д. Этнопсихология бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 5. С. 54-61.
13. Скородумова Л. Г. Монгольский мир: образы мира. Улан-Батор, 2004. 328 с.
14. Сундуева Д. Б. Бурятско-русское двуязычие в Агинском Бурятском автономном округе: социолингвистический аспект. Чита: ЧитГУ, 2005. 182 с.
15. Трофимова У. М. Опыт когнитивного экспериментально-теоретического анализа тематической группы «Части человеческого тела» (на материале русского и китайского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 1999. 24 с.
16. Уфимцева Н. В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 160-161.
17. Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4 (8). С. 98-111.
18. Уфимцева Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурные исследования языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. Изд-е 2-е. М., 2003. С. 139-163.
19. Цыбикова Б.-Х. Б. Ментально-духовные аспекты культуры бурят Внутренней Монголии КНР по материалам полевых исследований // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4 (22). С. 117-123.
20. Шойсоронова Е. С. Языковая личность: этнический аспект (на материале бурятской языковой личности): автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2006. 21 с.

Информация об авторах | Author information

RU

Дырхеева Галина Александровна¹, д. филол. н., проф.

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

EN

Dyrkheeva Galina Aleksandrovna¹, Dr

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

¹ an5dag1@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 19.03.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): менталитет; ассоциативный эксперимент; буряты-билингвы; ценности; mindset; associative experiment; the bilingual Buryats; values.